

СТАТИСТИЧЕСКАЯ

вероятность

ЛЮБВИ

С ПЕРВОГО

взгляда

ДЖЕННИФЕР Е. СМИТ

Дженнифер Смит

**Статистическая вероятность
любви с первого взгляда**

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смит Д.

Статистическая вероятность любви с первого взгляда / Д. Смит —
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-04-107010-6

Можно ли встретить любовь в неожиданном месте, например в аэропорту? Какова статистическая вероятность того, что это будет любовь с первого взгляда? Семнадцатилетняя Хедли Салливан не верит в судьбу. Но не опоздай она на свой рейс, то пропустила бы самое важное событие в жизни – не встретила бы того единственного человека, с которым хочется быть вместе. И не взяла бы билет на следующий рейс до Лондона, и не провела бы несколько незабываемых часов рядом с Оливером. Но номер его телефона Хедли попросить так и не решилась, и теперь она в отчаянии. Сама судьба познакомила их, но найти друг друга в огромном городе не просто сложно – невозможно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-107010-6

© Смит Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	6
1	7
2	12
3	17
4	23
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дженнифер Смит

Статистическая вероятность любви с первого взгляда

Посвящается Келли и Эрролу

*«Ах! Выпадают же на нашу долю дни, ради которых стоит и
жить и умереть!»*

*Чарльз Диккенс «Наш общий друг» (перевод Н.А. Волжиной, Н.Л.
Дарузес)*

Jennifer E. Smith

The Statistical Probability of Love at First Sight

Copyright © 2012 by Jennifer E. Smith

© М. Лахути, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Все могло пойти совсем иначе.

Если бы она не забыла книгу – не пришлось бы возвращаться домой, оставив маму дожидаться в машине с включенным двигателем, который пыхал выхлопными газами на предвечерней жаре.

И еще раньше: примерь она платье утром – тогда же и заметила бы, что бретельки длинноваты, и не пришлось бы маме вытаскивать старенькую шкатулку с принадлежностями для рукоделия и в последнюю минуту спасти злосчастную тряпицу лилового шелка.

Или, наоборот, позже: не порежься она листом бумаги, распечатывая билет на самолет, не потеряйся зарядное устройство для мобильного, не попади они в пробку на автостраде по дороге в аэропорт... Если бы они не проскочили мимо парковки, если бы не искали так долго мелочь для оплаты стоянки: монетки закатились под сиденье, а водители в длинной очереди машин нетерпеливо давили на гудки.

Если бы колесико у чемодана не свернулось набок...

Если бы чуть быстрее бежать к воротцам...

А может, все равно ничего бы не изменилось.

Вполне возможно, что сегодняшние многочисленные помехи и задержки никакой роли не играли. Не будь их, помешало бы что-нибудь еще: погода над Атлантикой, дождь в Лондоне, грозовые облака, задержавшиеся на лишний час. Хедли не особо верит в судьбу – как и в строгую пунктуальность авиалиний.

Когда это самолеты прилетали по расписанию?

Хедли в жизни не опаздывала в аэропорт. Вообще ни разу.

А сегодня, подбежав к выходу на посадку, увидела, что сотрудники авиакомпании уже запирают дверь и выключают компьютеры. Часы на стене показывают без двенадцати семь, самолет за окнами ушел в глухую оборону, словно бронированная крепость. По лицам охраны ясно, что на этот борт никто больше не поднимется.

Как подумаешь, четыре минуты – не очень и много. Рекламная пауза, перемена в школе, время приготовления еды в микроволновке. Четыре минуты – ничто. В любом аэропорту люди каждый день прибегают к самому отлету. Еле переводя дух, забрасывают сумки на полку и со вздохом облегчения усаживаются на свои места в тот самый миг, как самолет отрывается от земли.

А Хедли Салливан, выронив рюкзак, стоит у окна и смотрит, как самолет, отвалив от посадочного рукава-«гармошки», плавно разворачивается к взлетной полосе.

На том берегу океана отец произносит последний тост, и официанты в белых перчатках начищают серебряные приборы, готовясь к завтрашней церемонии. Рядом парень с билетом на следующий лондонский рейс, место 18С, рассеянно жует пончик, осыпая сахарной пудрой синюю рубашку.

Хедли на мгновение зажмуривается, а когда вновь открывает глаза, самолета уже не видно.

Кому бы пришло в голову, что четыре минуты могут перевернуть чью-то жизнь?

1

18.56 по североамериканскому восточному времени

23.56 по Гринвичу

Тем, кто страдает клаустрофобией, аэропорт напоминает камеру пыток.

И страшен не только сам перелет, когда пассажиров утрамбовывают, словно сардины в тесной железной банке, а потом швыряют в пространство. Мучения начинаются еще в аэропорту: давка, галдеж, в ушах звенит, в глазах все пляшет и расплывается, и все это безобразие с четырех сторон отгорожено стеклянными окнами, словно в каком-то чудовищном аквариуме.

Хедли старается не думать об этом, как и о многом другом, беспомощно застыв у билетной стойки. На улице смеркается. Ее самолет сейчас уже где-нибудь над Атлантикой, а внутри словно раскручивается какая-то пружина или из воздушного шарика медленно выпускают воздух. Отчасти предстоящий полет действует на нервы, отчасти в этом виновата сутолока аэропорта, но главная причина – понимание, что она опоздала на свадьбу, куда и ехать-то душа не лежала. От гадкой шуточки судьбы хочется плакать.

За прилавком столпились служащие авиакомпании и смотрят с хмурым нетерпением. На табло уже высветился следующий рейс из аэропорта Кеннеди в Хитроу. До него еще три часа, и не будь тут Хедли, смена уже благополучно закончилась бы.

– Прошу прощения, мисс, – говорит служащая авиакомпании, почти не скрывая досады. – Ничего не поделаешь. Можно попробовать пристроить вас на другой рейс.

Хедли уныло кивает. Столько времени втайне мечтала о какой-нибудь помехе, и это случилось. Правда, справедливости ради надо признать, что ее воображаемый сценарий был куда драматичнее: массовая забастовка на всех авиалиниях сразу, эпических масштабов гроза с градом, внезапный грипп или даже корь – любая уважительная причина увильнуть от исполнения долга и не видеть, как ее отец поведет к алтарю совершенно незнакомую Хедли женщину.

По сравнению с этим опоздание в четыре минуты – слишком уж удобно, даже малость подозрительно. Поверят ли родители – по крайней мере, хоть один из них, – что все получилось не нарочно? Чего доброго, по этому пункту папа и мама проявят редкое для них единодушие.

Хедли сама захотела пропустить репетицию свадебного обеда и приехать в Лондон утром в день венчания. Она больше года не видела отца и сомневалась, что высидит обед, где будут произносить тосты близкие ему люди, друзья и коллеги, где соберется весь маленький мирок, который он выстроил для себя за океаном. Они станут желать ему здоровья и счастья, поздравлять с началом новой жизни. Такого Хедли точно не перенесет. Она бы и на саму свадьбу не поехала, будь ее воля.

– Все-таки он твой отец, – без конца повторяла мама, словно Хедли могла об этом забыть. – Если не поедешь, пожалеешь потом. Знаю, в семнадцать это трудно себе представить, но поверь моему опыту – когда-нибудь пожалеешь обязательно.

Ох, вряд ли.

Служащая авиакомпании в бешеном темпе жмет на клавиши компьютера и ожесточенно чмокает жвачкой. Потом взмахивает рукой.

– Вам повезло! Мы можем вас устроить на рейс десять двадцать четыре. Место 18А, у окна.

Хедли почти страшно задавать следующий вопрос, и все-таки она спрашивает:

– Когда он прибывает?

– Завтра утром, – отвечает девушка. – Девять пятьдесят четыре.

У Хедли перед глазами возникает свадебное приглашение на плотной бумаге цвета слоновой кости – оно уже несколько месяцев валяется на ее письменном столе. Изысканные буквы, складываясь в слова, сообщают, что церемония начнется завтра в полдень – значит, если самолет приземлится по расписанию и не случится задержек на таможне и пробок на дорогах, есть еще шанс успеть вовремя. Тютелька в тютельку.

– Посадка начнется в девять сорок пять, через этот выход. – Сотрудница авиакомпании протягивает Хедли бумаги в аккуратной папочке. – Приятного путешествия!

Хедли бочком отходит к окну и окидывает взглядом ряды скучных серых кресел. Большинство заняты, а у тех, что свободны, обивка расползается по швам и через дырки торчит желтый поролон, точно у нежно любимого, заигранного плюшевого мишки. Пристроив сумку на чемодане, Хедли отыскивает в мобильнике номер отцовского телефона. Он записан просто как «Профессор» – это прозвище Хедли придумала года полтора назад, вскоре после того, как отец сообщил, что не вернется в Коннектикут, и слово «папа» стало неприятно резать глаз.

От гудков в трубке у Хедли начинает быстрее биться сердце. Отец до сих пор звонит довольно часто, а вот она его номер за последний год набирала всего несколько раз. Там сейчас почти полночь, и когда отец в конце концов отвечает, голос его звучит хриловато – не то спростоня, не то от выпивки, а может, от того и другого сразу.

– Хедли?

– Я опоздала на самолет.

В последнее время Хедли неизменно разговаривает с отцом в сухой, отрывистой манере. Так она выражает осуждение.

– Что?!

Хедли повторяет со вздохом:

– Опоздала на самолет.

На заднем плане слышится голос Шарлотты, и Хедли мгновенно вспыхивает злостью. Эта женщина с самой помолвки засыпает ее приторно-сладкими имейлами: делится свадебными планами, присылает фотографии их с отцом поездки в Париж, умоляет ответить, завершая каждое письмо десятком смайликов (как будто одного недостаточно). И несмотря на все ее старания, Хедли уже ровно год и девяносто шесть дней упорно ее ненавидит. Чтобы изменить это, явно требуется нечто посерьезнее, чем приглашение быть подружкой на свадьбе.

– И как? – спрашивает папа. – Тебя устроили на другой рейс?

– Угу, но он прибывает в десять.

– Завтра?

– Нет, сегодня! Я же кометой полечу.

Папа не обращает внимания на сарказм.

– Это слишком поздно! До начала церемонии остается всего ничего. Я не смогу тебя встретить. – Он прикрывает трубку рукой и приглушенно переговаривается с Шарлоттой. – Наверное, можно попросить тетю Мерилин поехать в аэропорт...

– Что за тетя Мерилин?

– Тетушка Шарлотты.

– Мне уже семнадцать, – напоминает Хедли. – Как-нибудь доберусь на такси до церкви.

– Ну, не знаю... Все-таки первый раз в Лондоне... – Папа прокашливается. – А мама не против?

– Я без мамы, – говорит Хедли. – Как я понимаю, ей первой свадьбы хватило.

В трубке тишина.

– Ладно, пап. Увидимся завтра в церкви. Надеюсь, я не очень сильно опоздаю.

– Хорошо, – негромко отвечает он. – Я ужасно соскучился.

– Угу. – Хедли не может заставить себя произнести в ответ «Я тоже». – До завтра.

Только повесив трубку, Хедли вспоминает, что даже не спросила, как прошла репетиция. Честно говоря, ей не очень-то хочется это знать.

Она долго стоит, сжимая в руке мобильник и стараясь не думать о том, что ее ждет на другом берегу океана. Запах подгорелого масла от ближайшего прилавка с солеными крендельками вызывает легкую тошноту. Сейчас бы присесть, но все кресла заняты пассажирами, не нашедшими себе места в других частях аэропорта. На носу выходные, да еще и праздник – Четвертое июля, – а погодная карта на телеэкранах пестрит значками, обозначающими грозу, почти сплошь по Среднему Западу. Люди захватывают территорию, как будто намерены поселиться в зале ожидания. Занимают места, пристраивая на пустые кресла чемоданы, семьи захватывают целые углы, по всему полу валяются промасленные бумажные пакетики из «Макдоналдса». Осторожно перешагивая через какого-то дядечку, прикорнувшего на своем рюкзаке, Хедли внезапно испытывает странное чувство: словно потолок давит и стены смыкаются вокруг нее. С трудом удается восстановить дыхание.

Углядев наконец свободное местечко, Хедли бросается к нему, волоча за собой чемодан на колесиках, лавируя среди моря чужих ног и стараясь не думать, в каком виде будет завтра утром дурацкое лиловое платье. Она-то рассчитывала, что у нее останется несколько часов до церемонии, успела бы в гостинице все не спеша приготовить, а теперь придется прямо из аэропорта нестись в церковь сломя голову. Конечно, это далеко не самая существенная из всех неприятностей на текущий момент, и все-таки забавно представлять себе, как ужаснутся приятельницы Шарлотты: наверняка по их меркам невозможность сделать нормальную прическу – катастрофа мирового масштаба.

С точки зрения Хедли, сказать, что она сожалеет о своем согласии быть подружкой невесты, – это еще слишком мягко. Просто ее измотали бесконечные имейлы от Шарлотты и постоянные просьбы отца. Ко всему еще и мама, как ни странно, поддержала эту дурацкую выдумку.

– Я понимаю, сейчас ты к нему не испытываешь особо нежных чувств, да и я тоже. Но представь себе – когда-нибудь ты раскроешь альбом с фотографиями папиной свадьбы. Может, у тебя к тому времени будут свои дети. Не пожалеешь ли, что тебя нет на этих снимках?

Вообще-то, Хедли уверена, что не пожалеет, но маму и папу тоже можно понять. Проще согласиться, лишь бы все были довольны, даже если для этого придется перетерпеть укладку и лак для волос, неудобные туфли на каблучках и фотосъемку после церемонии. Когда другие подружки – сборище тридцатилетних приятельниц Шарлотты – узнали, что на свадьбе ожидается девочка из Америки, на Хедли немедленно обрушился поток имейлов с явным избытком восклицательных знаков, и ее тут же включили в группу на электронной почте. Она никогда в жизни не виделась с Шарлоттой и вот уже полтора года всеми силами избегала встречи, а теперь узнала в подробностях мнения будущей мачехи по самым разным вопросам первостепенной важности. Например: какие туфли лучше, босоножки или «лодочки», нужно ли использовать в оформлении букетов гипсофилу и самое кошмарное – какое белье следует надевать на так называемый девичник.

Просто поразительно, сколько требуется писем для подготовки свадьбы. Часть приятельниц оказались коллегами Шарлотты по университетской художественной галерее в Оксфорде – и трудно понять, как у них еще остается время на работу. Предполагалось, что Хедли встретится с ними в отеле завтра с утра пораньше, но теперь, как видно, придется им наряжаться, завиваться и краситься без нее.

Небо за окном порозовело. Мигают огоньки, очерчивающие контуры самолетов. Хедли рассматривает свое отражение в стекле: белокурые локоны, большие глаза, лицо усталое, словно после долгого путешествия. Она втискивается на сиденье между пожилым человеком, который с такой силой встряхивает газету, что кажется – та вот-вот улетит, и женщиной средних лет, в джемпере с вышитым котиком, увлеченной загадочным вязанием.

«Еще три часа», – думает Хедли, обхватив руками рюкзак, и только потом соображает, что нет смысла считать минуты до события, к которому совсем не стремишься. Куда точнее было бы сказать: еще два дня. Через два дня она вернется домой. Можно будет сделать вид, что ничего этого не было. Выходные, целую вечность державшие ее в страхе, останутся позади.

Хедли поправляет на коленях рюкзак и слишком поздно спохватывается, что не застегнула до конца молнию. Вещи валяются на пол. Хедли первым делом хватается за блеск для губ, журналы и только потом тянется за толстой книгой в черном переплете – но парень, сидящий с той стороны прохода, первым успевает поднять увесистый томик.

Протягивая книгу Хедли, он бросает беглый взгляд на обложку, и в его глазах вспыхивает узнавание. Ну точно – принял ее за человека, который способен читать Диккенса в аэропорту. Хедли хочется объяснить, что все совсем не так. На самом деле она эту книгу даже не открывала с тех пор, как получила ее от отца, а это было сто лет назад – но она сдерживается и, ограничившись благодарной улыбкой, решительно отворачивается к окну, чтобы парень не вздумал завести разговор.

Душа не лежит ни с кем общаться – даже с таким симпатичным мальчиком. Предстоящий день, словно живое, дышащее существо, надвигается неумолимо и вот-вот сойдет с ног. Ужас охватывает при одной мысли о том, чтобы сесть в самолет, не говоря уже о прибытии в Лондон. Хедли физически неспособна усидеть на месте – она ерзает, качает ногой, сжимает и разжимает кулаки.

Пожилой пассажир на соседнем сиденье громко сморкается и снова с шелестом разворачивает газету. Хедли от души надеется, что не окажется рядом с ним в самолете. Семь часов – долгий срок. Разве это правильно, что соседство на такой большой отрезок дня предоставлено воле случая? Нельзя навязывать никому в попутчики совершенно незнакомого человека, а между тем сколько раз она летала через полстраны в Чикаго, Денвер или Флориду бок о бок с незнакомцами? В том-то и беда: во время полета часами разговариваешь с человеком, делишься самым сокровенным, а потом никогда в жизни больше с ним не встретишься и даже имени его не узнаешь.

Сосед вытягивает шею, увлеченный какой-то статьей, и нечаянно задевает локтем руку Хедли. Девушка вскакивает, забрасывает рюкзак на плечо. Вокруг по-прежнему полно народу. Хедли с тоской косится на окно. Вырваться бы на волю! Она не уверена, что выдержит еще три часа в зале ожидания, но тащиться с вещами через толпу – тоже хорошего мало. Хедли придвигает чемодан к своему опустевшему сиденью, чтобы было видно, что место занято, и оборачивается к даме в свитере с котиком.

– Простите, вы не могли бы присмотреть за моим чемоданом? Я отойду на минуточку.

Спицы замирают в воздухе. Женщина строго сдвигает брови.

– Это запрещено! – заявляет она с нажимом.

– Я сразу вернусь, – уговаривает Хедли, но женщина решительно качает головой, всем своим видом давая понять, что отказывается принимать участие в столь темном деле.

– Давай я посторожу, – предлагает парень с той стороны прохода.

Хедли впервые смотрит на него по-настоящему. Темные волосы несколько длинноваты и рубашка вся в крошках, а все-таки чем-то он привлекателен. Может быть, явным британским акцентом, а может, тем, как он дергает краешком губ, сдерживая улыбку. Он вдруг вскидывает на Хедли глаза, и у нее на миг замирает сердце, а парень тут же вновь переводит взгляд на пассажирку, неодобрительно поджавшую губы.

– Это противозаконно, – бурчит дама себе под нос и косится на парочку здоровенных охранников возле буфета.

Парень сочувственно улыбается Хедли.

– Ничего страшного, возьму с собой, – говорит она. – Все равно спасибо.

Хедли собирает свое имущество, продевает вторую руку в лямку рюкзака, сунув книгу под мышку. Суровая пассажирка едва снисходит до того, чтобы поджать ноги, пропуская Хедли с чемоданом.

У выхода из зала ожидания ковровое покрытие заканчивается, и чемодан на колесиках угрожающе кренится, запнувшись о резиновую выпуклую полосу, отделяющую его от линолеума в коридоре. Пока Хедли борется с чемоданом, выскальзывает книга, зажатая под мышкой. Хедли наклоняется за ней и роняет свитер.

«Да что ж такое!» – думает девушка, сдувая упавшую на лицо прядь. Подобрав, наконец, все упавшее, она протягивает руку – а чемодан куда-то делся. Хедли оглядывается и с изумлением видит у себя за спиной все того же мальчика, тоже с сумкой на плече. Его рука сжимает ручку ее чемодана.

Хедли растерянно моргает.

– Что ты делаешь?

– Мне показалось, тебе не помешает помощь.

Хедли молча смотрит на него.

– И притом так будет вполне законно, – прибавляет он, улыбаясь во весь рот.

Хедли поднимает брови, и парень выпрямляется, заметно подрастеряв самоуверенность. Ей вдруг приходит в голову, что он просто собирается украсть ее чемодан. Впрочем, невелика добыча: пара туфель и платье. Хедли была бы более чем счастлива их лишиться.

Она еще целую минуту стоит столбом, пытаясь понять, чем заслужила себе персонального носильщика. Но ее то и дело толкают другие пассажиры, рюкзак оттягивает плечи, а у парня в глазах застыло тоскливое выражение, словно ему сейчас очень не хочется оставаться одному. Это Хедли может понять и потому в конце концов кивает. Дальше они идут вместе.

2

19.12 по североамериканскому восточному времени

0:12 по Гринвичу

По громкоговорителю называют имя опаздывающего на какой-то рейс пассажира, и у Хедли невольно мелькает мысль: что, если ей взять и удрать со своего рейса? Но идущий впереди парень оглядывается, словно услышал ее рассуждения и проверяет, здесь ли она еще. Хедли неожиданно чувствует к нему благодарность за то, что есть с кем разделить этот ужасный день.

За огромными окнами самолеты выстроились, как на параде, и у Хедли быстрее бьется сердце: скоро она сядет в один из них. Ни от одного из всех тесных закутков и закоулков мира так не бросает в дрожь, как от самолета.

В прошлом году с ней впервые случился приступ паники, с головокружением, сердцебиением и подступающей тошнотой. Это произошло в ванной гостиничного номера в Аспене¹. За окном шел густой снег, а в соседней комнате отец разговаривал по телефону, и Хедли вдруг показалось, что стены сдвигаются, подступая к ней с неотвратимостью ледника. Она боялась пошевелиться, стараясь дышать размеренно, а стук в ушах почти заглушал папин голос за стеной.

– Да-да, – говорил папа. – А ночью обещают сильный снегопад, завтра снега должно быть дюймов шесть, не меньше – идеальная погода.

Они уже два дня пробыли в Аспене, изо всех сил притворяясь, что эти весенние каникулы ничем не отличаются от прошлогодних. Вставали очень рано, чтобы успеть подняться на гору, пока не нахлынула основная масса лыжников, а по вечерам сидели у себя в домике, пили горячий шоколад у камина, играли в настольные игры. И старались не говорить о том, что мама на этот раз не поехала с ними – так старались, что в итоге оба ни о чем другом не могли думать.

И Хедли все-таки не идиотка. Не бывает такого: поехал на полгода в Оксфорд, читать лекции по истории поэзии, а потом вдруг ни с того ни с сего решил развестись. Хоть мама и молчала – она вообще практически перестала говорить о папе, – Хедли понимала, что причиной всему наверняка другая женщина.

Хотела спросить папу напрямик на каникулах – прямо около самолета предъявить обвинение. Пусть объяснит, почему он не вернулся домой! Но в аэропорту ее встретил почти незнакомец, с рыжеватой бородой, нелепой в соседстве с темными волосами, и с такой широкой улыбкой, что видно коронки на зубах. Всего за шесть месяцев отец изменился до неузнаваемости. Только когда наклонился ее обнять, он снова стал собой – от него по-прежнему пахло сигаретами и лосьоном после бритья, и он хрипло шепнул ей на ухо, что ужасно соскучился. И от этого почему-то стало еще хуже. В конце концов, не перемены разбивают сердце, а вот эти мучительно родные, привычные детали.

Хедли струсила и вместо решительного разговора первые два дня наблюдала и ждала, глядя в папино лицо, ища на нем, словно на карте, разгадку – почему так внезапно рассыпалась их маленькая семья. Осенью они провожали его в Англию с восторгом. После

¹ Город в штате Колорадо, известный дорогим горнолыжным курортом (прим. перев.).

колледжа средней руки в Коннектикуте приглашение в Оксфорд, в одно из лучших отделений английского языка и литературы – от такого невозможно отказаться! Но у Хедли только-только начался учебный год, а мама не могла на целых четыре месяца бросить свой магазинчик обоев, и потому они решили, что останутся дома до Рождества, затем на пару недель приедут к папе в Англию, посмотрят разные достопримечательности, а потом все вместе вернутся домой.

Конечно, вышло все не так.

Сначала мама сказала, что планы поменялись и Рождество они с Хедли проведут у бабушки с дедушкой, в штате Мэн. Хедли была почти уверена, что папа тоже туда приедет сюрпризом, но их встретили действительно только дедушка и бабушка – и такая гора подарков, что сразу стало ясно: ее стараются утешить.

Хедли уже какое-то время ловила краем уха обрывки напряженных разговоров по телефону, а по ночам слышала, как плачет мама – в старом доме звуки далеко разносились через вентиляцию. И только на обратном пути после Рождества мама наконец сообщила, что они с папой решили разойтись и что он останется в Оксфорде еще на один семестр.

– Вначале мы просто поживем раздельно, – сказала мама, оторвав взгляд от дороги, чтобы посмотреть на Хедли, застывшую на сиденье и с трудом переваривавшую новости, одну за другой: сначала – «мама с папой разводятся», а потом – «папа не вернется домой».

– Между вами целый океан, – тихо проговорила она. – Куда уж раздельнее?

– В юридическом плане, – вздохнула мама. – Нужно официально оформить раздельное проживание.

– А разве для этого не надо сначала увидеться? Ну, чтобы принять такое решение?

– Ах, солнышко! – Мама оторвала одну руку от руля и погладила Хедли по коленке. – Решение уже принято.

И вот два месяца спустя Хедли стояла в ванной гостиничного номера с зубной щеткой в руке и слушала папин голос из соседней комнаты. Сперва она обрадовалась, подумав, что он разговаривает с мамой, но тут папа назвал имя: Шарлотта – и снова понизил голос.

– Нет, – сказал он, – все нормально, она пошла в уборную.

Хедли вдруг стало холодно. С каких это пор ее папа вместо «туалет» говорит «уборная» и шепчется по телефону с чужими тетками? Пригласил дочь на лыжный курорт, как будто всё в порядке, а потом вернется к своей новой жизни.

Хедли шагнула ближе к двери. Кафельные плитки пола холодили босые ступни.

– Знаю, – сказал отец с нежностью. – Солнышко, я тоже соскучился.

Ну конечно, подумала Хедли, закрывая глаза. Ну конечно.

Она была права, но от этого не легче. А когда от этого бывает легче? Хедли чувствовала, как внутри прорастает крошечное зернышко обиды. Вроде косточки от персика – маленькое, твердое и гадкое. Теперь от горечи уже не избавишься.

Хедли отступила от двери. Горло перехватило, и стало тесно в груди. В зеркале Хедли видела свои покрасневшие щеки. Перед глазами все расплывалось – наверное, от пара. Хедли вцепилась в край раковины, так что костяшки пальцев побелели. Заставила себя дожидаться, пока отец повесит трубку.

– Что случилось? – спросил папа, когда она наконец вышла из ванной и, не глядя на него, плюхнулась на постель. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально, – коротко ответила Хедли.

Однако на следующий день приступ повторился.

Они спускались в лифте, Хедли уже было жарко в многослойном лыжном снаряжении, и вдруг их тряхнуло, а потом кабина остановилась. Кроме них, в лифте никого не было. Хедли с папой растерянно переглянулись. Папа нажал на кнопку экстренного вызова.

– Дурацкий подъемник...

Хедли зло сверкнула глазами.

– Ты хотел сказать – дурацкий лифт?

– Что?

– Ничего, – буркнула она и принялась наугад тыкать в кнопки, подмигивающие яркими огоньками.

Внутри поднималась паника.

– Вряд ли это поможет... – начал папа и тут наконец заметил неладное. – Ты нормально себя чувствуешь?

Хедли рванула ворот лыжной куртки, дернула замочек молнии.

– Нет! – Сердце дико стучало. – Да... Не знаю. Я хочу выйти отсюда!

Папа сказал:

– Сейчас придет мастер. До тех пор мы ничего не сможем...

– Нет, папа, скорее!

Хедли впервые за эти каникулы назвала его папой; со дня приезда она всячески старалась вообще никак к нему не обращаться.

Он обвел взглядом крохотную кабину.

– У тебя приступ паники? – спросил папа, сам, кажется, перепугавшись не на шутку. – А раньше такое с тобой случалось? Мама знает?

Хедли замотала головой. Она не понимала, что происходит – знала только, что ей необходимо сейчас же, немедленно выйти наружу.

– Эй! – Папа схватил ее за плечи и заглянул в глаза. – Через минуту нас вызволят, слышишь? Смотри на меня! Не думай о том, где мы находимся.

– Ладно, – прошептала Хедли, стиснув зубы.

– Вот и хорошо, – сказал папа. – Думай о чем-нибудь другом. Представь себе открытое пространство.

Хедли старалась успокоиться, вспомнить что-нибудь приятное, но разум отказывался функционировать. Капельки пота щекотали кожу, мешая сосредоточиться.

– Представь себе пляж, – сказал папа. – Или небо! Да, представь себе небо. Такое большое, конца-краю не видно.

Хедли, зажмурившись, отчаянным усилием вообразила бесконечную синеву, лишь кое-где отмеченную редкими облачками. Такую огромную, бездонную. Сердце стало биться ровнее, и дыхание понемногу успокоилось. Хедли разжала вспотевшие кулаки, а когда снова открыла глаза, прямо напротив увидела папино встревоженное лицо. Они смотрели друг на друга целую вечность, и Хедли вдруг поняла, что впервые со дня приезда позволила себе взглянуть отцу в глаза.

А потом лифт дернулся и снова пришел в движение. Хедли перевела дух. Дальше они ехали в молчании. Оба были взволнованы, обоим хотелось поскорее выйти и чтобы над головой раскинулось бескрайнее небо.

Сейчас, в тесноте и сутолоке аэропорта, Хедли с трудом отводит взгляд от окна с разбросанными за ним словно игрушечными самолетами. В животе снова что-то сжимается; бесполезно представлять себе небо, когда находишься на высоте девяти тысяч километров и оттуда одна дорога – вниз.

Обернувшись, она видит, что тот мальчик ждет ее, по-прежнему сжимая ручку чемодана. Она догоняет его, и он, улыбнувшись, сворачивает в кишачий народом коридор. Хедли почти бежит, едва поспевая за его стремительной походкой. Она ориентируется по синей рубашке и так сосредоточилась на том, чтобы не отстать, что чуть не налетает на парня. Он выше сантиметров на пятнадцать, поэтому, разговаривая с ней, слегка наклоняет голову.

– Я даже не спросил, куда тебе нужно.

– В Лондон, – отвечает Хедли.

Он смеется.

– Нет, сейчас! Куда ты хотела пойти?

– А-а... – Хедли потирает лоб. – Сама не знаю. Может, пообедать? Просто неохота было там сидеть.

Это не совсем правда. Вообще-то, Хедли собиралась в уборную, но не говорить же об этом сейчас! Одна вероятность того, что он станет ждать у дверей, пока она стоит в очереди в кабинку, приводит Хедли в ужас.

– Ясно.

Он смотрит на нее сверху вниз. Темная прядь упала на лоб, а когда он улыбается, на одной щеке появляется ямочка, и от этого его лицо кажется чарующе асимметричным.

– Так куда пойдём?

Хедли, встав на цыпочки, осматривается. Выбор невелик: несколько унылых прилавков с пищей и гамбургерами. Непонятно, собирается ли он есть вместе с ней; из-за этой неопределенности прийти к какому-нибудь решению еще труднее. Хедли буквально чувствует, как он терпеливо ждет, что она скажет. Напряженная, словно струна, Хедли спешно соображает, при каком варианте меньше риска заляпаться, если он все-таки захочет составить ей компанию.

После мучительно долгих колебаний Хедли тычет пальцем в небольшое кафе чуть поодаль, и он послушно направляется в ту сторону, волоча за собой ее красный чемодан на колесиках. Подойдя к прилавку, он поправляет сумку на плече и, шурясь, разглядывает меню.

– Хорошая идея, – замечает он одобрительно. – А то в самолете наверняка дадут какую-нибудь гадость.

– Ты куда летишь? – спрашивает Хедли, вставая рядом с ним в очередь.

– Тоже в Лондон.

– Да ну? А место какое?

Он вытаскивает из заднего кармана джинсов билет, сложенный вдвое и с оторванным уголком.

– 18-С.

– У меня 18-А.

Парень улыбается.

– Почти соседи!

Хедли кивает на упакованный в дорожный пакет костюм у него на плече – парень придерживает крючок от «плечиков» согнутым пальцем.

– Тоже на свадьбу летишь?

Секунду он колеблется, потом дергает подбородком, обозначая кивок.

– Вот и я на свадьбу. Забавно, если окажется, что на одну и ту же!

– Это вряд ли.

Парень как-то странно смотрит на нее, и Хедли чувствует себя дуручкой. Конечно, не на одну и ту же. Хочется надеяться, он не решит, что она считает Лондон большой деревней, где все друг друга знают. Хедли всю жизнь прожила в маленьком городке, но все-таки ей понятно, что Лондон – огромный мегаполис. Там, наверное, легко затеряться.

Мальчишка, похоже, собирался еще что-то сказать, но, передумав, поворачивается к меню.

– Чего тебе хочется?

«А правда, чего мне хочется?» – думает Хедли.

Хочется домой.

Хочется, чтобы дома все было как раньше.

Хочется поехать куда угодно, только не к отцу на свадьбу.

Хочется оказаться где угодно, только не в этом аэропорту.

Хочется узнать, как зовут неожиданного спутника.

После долгой паузы Хедли поднимает глаза.

– Не знаю, – произносит она. – Еще не решила.

3

19.32 по североамериканскому восточному времени

0.32 по Гринвичу

Хедли заказывает сэндвич с индейкой без майонеза, но по дороге к свободному столу замечает выступившую из-под верхнего ломтика хлеба тягучую субстанцию белого цвета. Желудок немедленно сжимается. Что лучше: есть и мучиться или выглядеть идиоткой, соскребая майонез? После недолгих колебаний она решает выглядеть идиоткой и препарирует злосчастный сэндвич, словно ученый-биолог, не обращая внимания на вопросительный взгляд нового знакомого. Сморщив нос, Хедли старательно счищает белую субстанцию с каждого кусочка салата и помидоров.

– Ловко ты их, – одобрительно замечает мальчик, жуя мясо.

Хедли деловито кивает.

– У меня фобия – боюсь майонеза. Так что за целую жизнь стала мастером.

– Майонеза боишься?!

Еще один кивок.

– Он в списке на первом месте.

– А дальше по списку что? – разулыбавшись, интересуется парень. – Что может быть страшнее майонеза?

– Стоматологи, – отвечает Хедли. – Пауки. Кухонная плита.

– Кухонная плита? Ясно, кулинария – не твоё увлечение.

– А еще тесные замкнутые пространства, – тихо доканчивает Хедли.

Он наклоняет голову набок.

– Как же ты летаешь на самолетах?

Хедли пожимает плечами.

– Стискиваю зубы и надеюсь на лучшее.

– Неплохая методика! – смеется он. – И как, действует?

Хедли не отвечает. Если о страхе ненадолго забываешь, потом еще хуже, когда опять вспомнишь. Налетает с новой силой, словно взбесившийся бумеранг.

– Да ладно! – усмехается мальчишка, ставя локти на стол. – Смотри, как ты классно справляешься с майонезофобией, а клаустрофобия по сравнению с ней – ничто!

Он кивает на пластиковый ножик у нее в руке, облепленный майонезом и хлебными крошками. Хедли благодарно кивает.

Они жуют, поглядывая на телевизор в углу – там без конца прокручивают прогноз погоды. Хедли никак не может сосредоточиться на еде, то и дело косится исподтишка на своего спутника, и каждый раз в животе что-то переворачивается, причем дело отнюдь не в остатках майонеза, прилипших к сэндвичу.

До сих пор у нее был всего один парень – Митчел Келли: простоватый спортсмен, беспроблемный и невероятно скучный. Они встречались почти целый год. Хедли с удовольствием наблюдала за его игрой на футбольном поле (ей особенно нравилось, когда он махал ей, обернувшись к трибунам) и всегда была рада поболтать с ним на перемене (ей особенно нравилось, как он подхватывал ее и кружил, сжимая в объятиях), и хотя она долго плакалась подруж-

кам четыре месяца назад, когда он решил с ней расстаться, все же этот краткий роман сейчас кажется ей самой нелепой ошибкой на свете.

Как мог ей понравиться парень вроде Митчела, когда на свете бывают такие, как этот? Такие высокие, поджарые, с лохматой шевелюрой, удивительными зелеными глазами и крошечным пятнышком горчицы на подбородке – именно благодаря этому мелкому изъяну картина в целом становится совершенной.

Разве возможно совсем не знать, какие мальчики тебе нравятся – и вообще, что тебе может понравиться какой-то мальчик, – пока это не случится?

Хедли комкает салфетку под столом и ловит себя на том, что до сих пор мысленно называла его просто «англичанин». Решившись наконец, она подается вперед, роняя на пол крошки, и спрашивает, как его зовут.

– Ага, точно, – говорит он, хлопая глазами. – Кажется, по правилам с этого полагается начинать. Я – Оливер.

– Типа Твист?

– Ого! – улыбается он. – А еще говорят, американцы необразованные.

Хедли прищуривается, притворяясь, будто сердится.

– Очень смешно!

– А тебя как зовут?

– Хедли.

– Хедли, – повторяет он, кивая. – Красиво.

Речь всего лишь об имени, и все-таки ей почему-то приятно. Может, из-за его акцента или из-за интереса в зеленых глазах. Так или иначе, что-то заставляет ее сердце биться быстрее, словно от удивления. Наверное, в этом все и дело – слишком все неожиданно. Она заранее боялась этой поездки и оказалась совершенно не готова к тому, что на пути может встретиться нечто хорошее.

– Огурчик есть не будешь? – спрашивает он.

Хедли, качнув головой, придвигает к нему через стол свою тарелку с маринованным огурцом. Оливер уничтожает его в два счета и снова откидывается на спинку стула.

– Была раньше в Лондоне?

– Нет, – отвечает она излишне резко.

Оливер смеется.

– Не настолько там плохо!

– Да, конечно, я понимаю. – Хедли прикусывает губу. – А ты живешь в Лондоне?

– Я там вырос.

– А где живешь сейчас?

– Наверное, в Коннектикуте. Я учусь в Йеле.

Хедли не может скрыть удивления.

– Правда?

– А что, непохоже?

– Нет, просто это так близко...

– Близко к чему?

Слова нечаянно вырвались, и теперь у Хедли горят щеки.

– К тому городу, где я живу. – Она торопится заговорить о другом. – А я по твоему акценту решила, что ты...

– Лондонский беспризорник?

Хедли, окончательно смутившись, трясет головой, а Оливер хохочет.

– Шучу! Я уже один год отучился.

– А почему домой не поехал на лето?

– Да так. Мне здесь нравится. Плюс еще я получил грант на летнюю научную практику, так что вроде как и обязан присутствовать.

– А что за практика?

– Я изучаю процесс ферментации майонеза.

– Неправда! – смеется Хедли.

Оливер хмурится.

– Правда! Это очень важное исследование. Знаешь ли ты, что двадцать четыре процента майонеза производят с добавлением ванильного мороженого?

– Действительно, серьезное открытие! – фыркает она. – Нет, а на самом деле что ты изучаешь?

Какой-то тип, проходя мимо, задевает ее с такой силой, что чуть стул не опрокидывает, и топает себе дальше, не извинившись.

Оливер усмехается:

– Проблемы перегруженности предприятий общественного питания в американских аэропортах.

– Не смейся! – Хедли встряхивает головой и оглядывается на забитый народом коридор. – Если бы ты на самом деле придумал, как справиться с этими толпами, я была бы рада. Ненавижу аэропорты!

– Правда? – спрашивает Оливер. – А мне нравится.

Хедли сперва решает, что он опять ее дразнит, но затем видит, что Оливер серьезен.

– Здорово, когда ты уже не здесь, но еще не там. Ждешь своего рейса и больше никуда не должен спешить. Просто... в подвешенном состоянии.

– Это, наверное, неплохо, – отзывается Хедли, теребя алюминиевое колечко на банке с содовой. – Если бы не столпотворение...

Оливер оглядывается через плечо.

– Ну, не всегда такая толкучка.

– Для меня – всегда.

На табло мигают зеленые надписи – многие сообщают об отмене или задержке рейса.

– Еще есть время, – говорит Оливер.

Хедли вздыхает.

– Знаю, просто я как раз опоздала на свой рейс. Получилась вроде как отсрочка казни.

– Какой рейс, предыдущий?

Она кивает.

– А свадьба когда?

– В полдень.

Оливер морщится.

– Трудно успеть.

– Я так и поняла. А когда та свадьба, на которую летишь ты?

Он отводит глаза.

– В два нужно быть в церкви.

– Ты успеваешь, все нормально.

– Угу, наверное, – отвечает он.

Они сидят и молчат, уставившись в стол. Вдруг у Оливера в кармане раздается приглушенный звонок. Он вытаскивает мобильник и напряженно смотрит на него. Телефон все звонит. Наконец Оливер вскакивает, словно принял какое-то решение.

– Надо все-таки ответить. Извини, – говорит он, отходя от стола.

Хедли машет рукой.

– Ничего страшного, иди!

Он пробирается между столиками, прижимая телефон к уху, весь как-то сгорбившись, и от этого кажется другим – словно был не тем Оливером, с которым она только что разговаривала. Интересно, кто ему звонит? Вдруг ей приходит в голову, что это может быть его девушка – умная, красивая студентка Йельского университета, которая носит стильные очки и темно-синий пиджак. Она-то ни за что не опоздает на самолет на четыре минуты!

Хедли сама удивляется тому, как энергично отпихивает эту мысль куда подальше.

Не позвонить ли ей тоже? Сообщить маме о смене рейса. Но от воспоминания о том, как они расстались, начинает неприятно сосать под ложечкой. До аэропорта ехали в каменном молчании, а потом еще обвинительная речь Хедли на стоянке. Иногда ее заносит, папа часто шутил, что она родилась без фильтра – но разве можно требовать от человека разумного поведения в день, которого боишься уже чуть ли не полгода?

Хедли с утра проснулась жутко напряженной. Шея и плечи затекли, в затылке билась тупая боль. Не только из-за свадьбы и предстоящей встречи с Шарлоттой, о которых она всеми силами старалась не думать. Просто в эти выходные их семья официально прекратит свое существование.

Хедли понимает, что жизнь – не фильм студии «Дисней». Родители не сойдутся снова. По правде говоря, ей этого уже и не хочется. Папа, как видно, счастлив, и мама вроде тоже не страдает. Она уже больше года встречается с местным зубным врачом, Харрисоном Дойлом. И все же свадьба поставит точку в конце предложения, которому еще не время заканчиваться, а Хедли не уверена, что готова стать этому свидетельницей.

Правда, ей выбора не дали.

– Все-таки он твой отец, – без конца повторяла мама. – Конечно, он не идеален, но для него важно твое присутствие. Не так уж много он просит. Всего один день!

А Хедли считала, что отец просит слишком многого: чтобы она его простила, чтобы чаще с ним виделась, чтобы согласилась познакомиться с Шарлоттой. Все время просит и просит – и ничего не дает взамен. Ей хотелось схватить маму за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы мозги встали на место. Он обманул их доверие, разбил мамино сердце, разрушил семью, а теперь собрался жениться на той женщине как ни в чем не бывало. Словно все начать с нуля проще, чем постараться исправить прежнее.

Мама твердила, что так лучше. Лучше для всех троих.

– Знаю, тебе сейчас трудно поверить, – говорила она со сводящей с ума рассудительностью, – но это действительно к лучшему. Вырастешь – поймешь.

А Хедли и так все понимает! Вероятно, мама просто еще не осознала случившееся. Когда обожжешься, поначалу не чувствуешь боль. В те первые недели после Рождества Хедли часто лежала ночью без сна и слушала, как мама плачет. Какое-то время мама вообще отказывалась разговаривать о папе, зато потом несколько дней ни о чем другом не говорила, и так снова и снова, будто на качелях. А потом, недель через шесть, как-то незаметно она вдруг словно пришла в себя и успокоилась. Хедли до сих пор не может этого понять.

Хотя шрамы все-таки остались. Харрисон уже три раза делал маме предложение, одно изобретательней другого – сперва романтический пикник, потом кольцо в бокале шампанского и, наконец, струнный квартет в парке, а она упорно отказывалась. Наверняка еще не совсем оправилась после папиного ухода. Такой разрыв не проходит бесследно.

Поэтому сегодня, в день, назначенный для перелета навстречу источнику всех бед, Хедли проснулась в отвратительном настроении. Если бы все шло гладко, возможно, дело ограничилось бы несколькими едкими комментариями да злобным бурчанием по дороге в аэропорт, но с самого утра в телефоне обнаружилось сообщение от Шарлотты с напоминанием о том, в котором часу нужно быть в гостинице, чтобы успеть подготовиться. От одного звука ее отрывистого британского произношения Хедли завелась, а дальше все покатило под гору.

Конечно, еще и чемодан отказался застегиваться, а мама запретила брать с собой висячие серьги, которые Хедли планировала надеть на церемонию, да еще и восемьдесят пять раз переспросила, не забыла ли дочка паспорт. Гренки подгорели, Хедли заляпала вареньем футболку, а когда поехала в универмаг за маленькой дорожной упаковкой шампуня, пошел дождь, в машине сломался «дворник», и Хедли чуть не сорок пять минут прождала на автозаправке из-за того, что тип перед ней в очереди не знал, как проверить уровень масла в собственном автомобиле. И все это время часы неумолимо тикали, приближая время отъезда. Когда Хедли наконец вернулась домой и швырнула ключи от машины на кухонный стол, она была совсем не в настроении выслушивать восемьдесят шестой вопрос о паспорте.

– Да! – рявкнула она. – С собой!

– Я просто спросила.

Мама невинно приподняла брови, а Хедли с вызовом уставилась на нее.

– Надеюсь, ты не намерена еще и до самолета меня провожать?

– Это еще что значит?

– Может, прямо до самого Лондона со мной отправишься, а то, чего доброго, сбегу?

В мамином голосе появились предостерегающие нотки.

– Хедли!

– Нет, а почему я одна должна смотреть, как он будет венчаться с этой женщиной?

Вообще не понимаю, почему я должна ехать, тем более без тебя.

Мама сжала губы, показывая, что сердится, но у Хедли уже сорвало тормоза.

Они упорно молчали всю дорогу до аэропорта, тем самым продолжая тянувшийся неделями спор. А когда затормозили у входа, Хедли вся словно звенела от нервного напряжения.

Мама заглушила двигатель, но ни она, ни Хедли не сделали попытки выйти из машины.

– Все будет хорошо, – наконец мягко сказала мама. – Правда.

Хедли резким движением обернулась к ней.

– Он женится, мам! Что хорошего?

– Просто, по-моему, тебе необходимо там быть...

– Знаю, знаю! – оборвала ее Хедли. – Ты уже говорила.

– Все будет хорошо, – повторила мама.

Хедли схватила куртку и отстегнула ремень безопасности.

– Ну смотри, ты будешь виновата, если что-нибудь случится!

– Что, например? – устало вздохнула мама.

Хедли от злости чувствовала себя совершенно бесстрашной – и в то же время ужасно маленькой. Она рывком распахнула дверцу.

– Например, самолет разобьется или еще что.

Она сама не знала, зачем это говорит. Просто она уже извелась от обиды и горя и очень боялась. Разве не от этого говорят такие вещи?

– Вот тогда ты от нас обоих избавишься!

Они уставились друг на друга, а страшные слова легли между ними, словно груда кирпичей. После долгого молчания Хедли выскочила из машины, скинула на плечо рюкзак и выдернула с заднего сиденья чемодан.

– Хедли! – Мама вышла с другой стороны и теперь смотрела на нее поверх капота. – Не надо так...

– Приеду – позвоню, – крикнула Хедли на ходу.

Она спиной чувствовала, как мама смотрит ей вслед, но из какой-то болезненной гордости так ни разу и не обернулась.

А сейчас она сидит в крохотном кафе, и ее палец нерешительно застыл над телефоном. Хедли делает глубокий вдох и нажимает на кнопку. В паузах между гудками она слышит стук собственного сердца.

Произнесенные в запале слова до сих пор отдаются в ушах. От природы Хедли не суеверна, и все же так бездумно ляпнуть об авиакатастрофе перед самым полетом... От одной мысли нехорошо делается. Законы случая неисповедимы. Хедли представляет себе самолет, на который опоздала. Сейчас он уже где-нибудь над океаном, и у нее больно сжимается сердце. Хоть бы не оказалось, что накликала беду...

От маминого голоса на автоответчике становится чуточку легче. Хедли принимается рассказывать о смене рейса, и тут возвращается Оливер. На какое-то мгновение Хедли чудится в его лице знакомое выражение – точно такое же мучительное беспокойство, какое терзает ее саму, но увидев ее, Оливер неумовимо меняется, и вот он уже снова невозмутимый, почти веселый, и в глазах играет беззаботная улыбка.

Он подбирает свою сумку, показывает, чтобы Хедли не прерывала звонок, затем тычет большим пальцем в сторону выхода на посадку. Хедли открывает рот – сказать, что почти закончила, но Оливер уже исчезает, и она торопливо договаривает свое послание.

– В общем, завтра позвоню, как только прибудем, – говорит она в микрофон чуть дрожащим голосом. – И еще, мам... ты меня прости, ладно? Я не хотела...

Потом, вернувшись к выходу, Хедли ищет в толпе синюю рубашку Оливера, но его нигде не видно. Ждать в толчее не хочется, и Хедли сворачивает в туалет, а потом бродит по сувенирным лавчонкам, книжным и газетным киоскам, пока не объявляют посадку.

Стоя в очереди, Хедли от усталости даже волноваться больше не может. Кажется, она уже несколько дней обитает в аэропорту, а впереди еще столько испытаний: теснота в салоне, паническое ощущение замкнутого пространства. Дальше – свадьба, знакомство с Шарлоттой и первая больше чем за год встреча с отцом. Пока что хочется только одного: надеть наушники, закрыть глаза и уснуть. Мчаться с невероятной скоростью через океан без всякого усилия со своей стороны – это почти чудо.

Когда она предъявляет билет, стюард улыбается в усы:

– Бойтесь полета?

Хедли заставляет себя разжать руку, стиснувшую ручку чемодана до побелевших костяшек, и жалобно улыбается.

– Боюсь приземления.

И все-таки входит в самолет.

4

21.58 по североамериканскому восточному времени

02.58 по Гринвичу

Когда Оливер появляется в проходе между кресел, Хедли уже сидит на своем месте у окна, ремень безопасности пристегнут, чемодан надежно устроен на багажной полке. Последние семь минут Хедли старательно делала вид, что думать не думает о новом знакомом – считала самолеты за иллюминатором и рассматривала узор на спинке переднего сиденья. А на самом деле просто ждала, когда появится Оливер, и, когда он наконец подошел, внезапно покраснела без всякой видимой причины, просто оттого, что он стоит над ней со своей кривоватой улыбкой. Когда он рядом, с ней творится что-то странное, словно электрический ток пробегает по телу, и она невольно думает: чувствует ли он то же самое?

– Я тебя потерял, – говорит он.

Хедли молча кивает, радуясь, что снова нашлась.

Оливер забрасывает сумку на полку и втискивается на среднее сиденье, рядом с Хедли, кое-как уютившись между немилосердно жесткими ручками кресла и пристроив в тесном пространстве свои длинные ноги. Хедли косится на него, в висках стучит от его внезапной близости, от того, как непринужденно он подсел к ней вплотную.

– Я потом пересяду, – говорит он, откидываясь на спинку. – Когда владелец места придет.

Хедли ловит себя на том, что мысленно уже составляет рассказ для подруг: она познакомилась в самолете с симпатичным парнем, у него потрясающий акцент, и они всю дорогу проговорили. Одновременно более практичная часть ее сознания тревожится о том, как она явится завтра, не выпавшись, на отцовскую свадьбу. Ясно же, что она глаз не сомкнет рядом с ним! Оливер задевает ее локтем, и колени их почти соприкасаются. От него головокружительно хорошо пахнет – чудесная мальчишеская смесь дезодоранта и шампуня.

Он вытаскивает из кармана горсть мелочи и, порывшись в нем еще, выуживает леденец в замусоленной обертке. Сперва предлагает Хедли, а потом забрасывает к себе в рот.

– Сколько ему лет? – спрашивает Хедли, наморщив нос.

– Немерено! По-моему, я его прихватил, еще когда в прошлый раз приезжал домой.

– Дай угадаю! В то время ты изучал воздействие сахара на человеческий организм?

Оливер усмехается.

– Вроде того.

– А на самом деле чем ты занимаешься?

– Секретными исследованиями, – отвечает он очень серьезно. – Если разболтаю, мне придется тебя убить, а не хочется. Ты славная.

– Ну спасибо! Хотя бы специальность можешь назвать? Или это тоже секретная информация?

– Скорее всего, психология, хотя я еще не решил окончательно.

– Ага, – откликается Хедли. – Понятно теперь, откуда эти игры разума.

Оливер смеется.

– По-твоему, игры, а по-моему, научная работа.

– Видимо, мне надо следить за тем, что я говорю, раз ты меня постоянно изучаешь.

– Точно, – соглашается он. – Я за тобой наблюдаю.

– И как?

Он криво улыбается.

– Пока еще рано делать выводы.

Пожилая женщина останавливается против их ряда и, близоруко щурясь, разглядывает свой билет. На ней платье в цветочек, сквозь реденькие белые волосы просвечивает розовая кожа. Чуть дрожащей рукой она указывает на номер над сиденьем.

– Кажется, это мое место, – говорит старушка, теребя билет большим пальцем.

Оливер вскакивает и стучается головой о вентиляционную панель.

– Извините! – Он пытается протиснуться в проход, что нелегко сделать в такой тесноте. – Я только на минутку присел.

Старушка внимательно смотрит на него, затем переводит взгляд на Хедли, и в ее слезящихся глазах проступает понимание, а в их уголках собираются веселые морщинки.

– Ах! – Она чуть слышно хлопает в ладоши и бросает сумочку на третье сиденье. – Я не знала, что вы вместе! Сидите-сидите, я и с краешку отлично устроюсь.

Оливер явно еле сдерживает смех, а Хедли мучает совесть, ведь из-за нее он потерял хорошее место. Кому охота семь часов проторчать в середине ряда? Но старушка уже опускается на сиденье, обтянутое грубой тканью, а Оливер ободряюще улыбается Хедли, и ей становится легче. Если честно, она и представить себе не может, как бы иначе выдержала перелет. Вместе лететь через океан, и чтобы кто-то сидел между ними – это же настоящее мучение.

Старушка, порывшись в сумочке, извлекает на свет беруши.

– Ну расскажите, как вы познакомились?

Они быстро переглядываются.

– Хотите верьте, хотите нет, мы встретились в аэропорту, – отвечает Оливер.

– Чудесно! – восторгается она. – И как же это случилось?

– Ну, просто... – Оливер выпрямляется в кресле. – Я, видите ли, проявил любезность и предложил помочь ей с чемоданом. Мы разговорились, а там, слово за слово...

Хедли широко улыбается.

– Так он с тех пор и таскает за мной чемодан!

– Так поступил бы всякий истинный джентльмен, – с наигранной скромностью произносит Оливер.

– И всякий галантный кавалер.

Старушка вся сияет, кожа у нее на лице собирается мелкими складочками.

– Вот оно, значит, как!

– Вот так, – улыбается Оливер.

«Если бы на самом деле», – думает Хедли и сама удивляется, как сильно ей хочется, чтобы эта история была невыдуманной. Их историей.

Тут Оливер оборачивается к ней, и чары развеиваются. Его глаза искрятся весельем, он хочет удостовериться, что Хедли тоже оценила шутку. Она заставляет себя улыбнуться, и он снова отворачивается к пожилой соседке – та как раз принялась рассказывать, как познакомилась с мужем.

«В жизни такого не бывает», – думает Хедли. По крайней мере, в ее жизни.

– ...А младшенькому уже сорок два, – сообщает соседка.

Складки старческой кожи на шее трясутся в такт словам, словно желе, и Хедли машинально проводит пальцем по горлу.

– В августе будет пятьдесят два года, как мы поженились.

– Ух ты! Здорово! – говорит Оливер.

– Ничего удивительного, – отзывается старушка, моргая. – Это легко, если встретишь того, кто тебе предназначен.

Все пассажиры уже заняли свои места, стюардессы снуют по проходу, проверяя, у всех ли пристегнуты ремни. Соседка достает из сумочки пластиковую бутылку с водой и кладет на морщинистую ладонь таблетку снотворного.

– Как оглянешься назад, пятьдесят два года – словно пятьдесят две минуты. – Она проглатывает лекарство, запрокинув голову. – А когда молод и влюблен, семь часов в самолете кажутся вечностью.

Оливер хлопает себя по коленкам – они упираются в спинку переднего сиденья.

– Надеюсь, что не покажусь! – фыркает он.

Соседка только улыбается в ответ.

– Вот увидите. – Она вставляет желтую затычку сперва в одно ухо, потом в другое. – Счастливого полета!

– И вам тоже, – говорит Хедли, но старушка уже уронила голову на плечо и тихонько похрапывает.

Пол под ногами начинает вибрировать – это включились моторы. Стюардесса напоминает через громкоговоритель, что курить во время полета запрещено и что никому нельзя покидать своего места, пока не погаснет надпись «Пристегните ремни». Другая стюардесса показывает, как пользоваться респираторами и спасательными жилетами, отбарабанивая привычные слова, словно автомат. Ее почти никто не слушает – пассажиры шелестят газетами и журналами, отключают мобильники и утыкаются носами в книжки.

Хедли вытаскивает из кармашка на спинке переднего сиденья заламинированную инструкцию по технике безопасности и хмуро рассматривает нарисованных человечков, радостно вываливающихся из мультяшных самолетиков. Оливер хихикает, и Хедли поднимает глаза.

– Что?

– Просто я никогда не видел, чтобы кто-нибудь реально читал эти штуки.

– Значит, тебе повезло, что ты сидишь рядом со мной.

– Вообще в целом повезло?

Хедли усмехается.

– Особенно в случае экстренной ситуации.

– Точно! – подхватывает он. – Я чувствую, что мне ничто не грозит. Так и вижу, как во время вынужденной посадки мне на голову падает поднос с завтраком, и ты, героическая пигалица, вытаскиваешь из самолета мое бесчувственное тело.

У Хедли вытягивается лицо.

– Не шути так!

– Прости...

Он придвигается ближе и кладет руку ей на колено. Жест настолько естественный, что Оливер даже не замечает, что сделал, пока Хедли не опускает взгляд, удивленная ощущением теплой ладони на своей голой коленке. Оливер отдергивает руку, сам растерявшись от неожиданности.

– Я просто так ляпнул. Все будет хорошо.

– Не извиняйся, – тихо отвечает она. – Вообще-то я не суеверная.

Снаружи вокруг огромного самолета суется люди в оранжевых жилетах, и Хедли придвигается ближе к иллюминатору, чтобы рассмотреть происходящее. Старушка-соседка кашляет во сне. Хедли с Оливером дружно оборачиваются, но она уже снова мирно спит, лишь веки чуть подрагивают.

– Пятьдесят два года... – Оливер тихонько присвистывает. – Впечатляет.

– А я не верю в брак, – заявляет Хедли.

– Ты же едешь на свадьбу? – удивляется Оливер.

– Угу, – кивает она. – В том-то и дело.

Оливер смотрит на нее озадаченно.

– Зачем поднимать шум, тащить людей через пол земного шара, чтобы официально засвидетельствовать свою любовь? Хочешь с кем-то разделить свою жизнь – молодец, отлично. Только это никого не касается, кроме вас двоих. Зачем эта показуха?

Оливер потирает подбородок, явно не зная, что и думать.

– Похоже, – произносит он наконец, – ты не веришь в свадьбы, а не в брак.

– В данный момент меня не вдохновляет ни то, ни другое.

– Ну, не знаю, – говорит Оливер. – По-моему, они совсем неплохи.

– Нет! – горячо возражает Хедли. – Все это только для виду! Если любишь по-настоящему, ты не обязан никому ничего доказывать. Все должно происходить намного проще. И хоть что-нибудь значить.

– По-моему, оно и значит, – негромко говорит Оливер. – Это обещание.

– Да, наверное. – Хедли невольно вздыхает. – К сожалению, не все держат слово. – Она оглядывается на спящую соседку. – Не всем удастся прожить вместе пятьдесят два года, а если удалось, уже не имеет значения, что когда-то вы в присутствии кучи народу давали друг другу слово. Главное – что вы не предали друг друга, даже когда было очень погано.

Оливер смеется.

– Зачем нужен брак? На тот случай, если станет очень погано.

– Серьезно! А иначе как поймешь, что все взаправду? Только если в трудную минуту есть кому тебя поддержать.

– Вот как? Значит, не надо ни свадьбы, ни брака, только чтобы было кому тебя поддерживать, когда жизнь бьет по голове?

– Точно, – подтверждает Хедли.

Оливер изумленно качает головой.

– На чью свадьбу едешь-то? Бывшего бойфренда?

Хедли не может удержаться от смеха.

– Что?

– Мой бывший бойфренд целыми днями играет в компьютерные игры, а в свободное время разносит пиццу. Смешно представить его в роли жениха!

– Я так и подумал, что ты слишком молода, чтобы быть брошенной женщиной.

– Мне семнадцать! – возмущенно выпаливает Хедли.

Оливер примирительно поднимает руки.

Самолет отъезжает от посадочного «рукава», и Оливер наклоняется к иллюминатору. Вокруг, сколько хватает глаз, тянутся огоньки, похожие на отражения звезд. Взлетные полосы – созвездия, где дожидаются своей очереди десятки самолетов. Хедли сцепляет руки на коленях и делает глубокий вдох.

– Слушай, – говорит Оливер, снова откидываясь в кресле. – По-моему, мы не с того конца начали.

– То есть?

– Да просто обычно разговоры о значении истинной любви начинаются месяца через три после знакомства, а не через три часа.

– По ее словам, – Хедли подбородком указывает на сиденье справа от Оливера, – три часа – все равно что три года.

– Ага, но это для влюбленных.

– Точно. Это не о нас.

– Ну да, – соглашается, улыбаясь, Оливер. – Не о нас. Так что три часа – это три часа, и не больше. А мы неправильно подошли к делу.

– В каком смысле?

– Я уже знаю твои взгляды на брак, а о важном мы еще даже не говорили. Ну, там, какой твой любимый цвет, любимая еда...

– Синий, мексиканская кухня.

Оливер задумчиво кивает.

– Уважаю. А у меня – зеленый и карри.

– Карри? – Хедли делает гримаску. – Правда?

– Не надо осуждать! Что еще?

Свет в салоне тускнеет – его пригасили перед взлетом. Моторы набирают обороты. Хедли на мгновение зажимуривается.

– Что – что еще?

– Любимое животное?

– Не знаю. – Она снова открывает глаза. – Собаки?

Оливер качает головой.

– Скучно. Вторая попытка.

– Тогда слоны.

– Правда, что ли?

Хедли кивает.

– Почему вдруг?

– В детстве я не могла заснуть без драного плюшевого слоника, – объясняет она, сама не понимая, отчего вспомнила о нем сейчас.

Может, все дело в предстоящей встрече с отцом, а может, грозный рев моторов вызвал детское желание спрятаться под одеяло.

– По-моему, это не считается.

– Сразу видно, что ты не знаком со Слоником.

Оливер хохочет.

– Имя сама придумала?

– Ага, – улыбается Хедли.

У Слоника были черные блестящие глазки и большие мягкие уши, а вместо хвоста – шнурок, и когда Хедли обнимала его – все становилось проще. И доедать овощи, и надевать колючие колготки, и ушибленная нога, и больное горло... Слоник спасал от всего. Со временем он утратил один глаз и большую часть хвоста. Его мочили слезами, обчихивали, сидели на нем, и все равно, если Хедли из-за чего-нибудь расстраивалась, папа клал ей руку на макушку и, подталкивая к лестнице, говорил:

– Пора посоветоваться со слоником!

И почему-то это всегда действовало.

Хедли только сейчас приходит в голову, что всегда заслуга в основном была папина, а не слоника.

Оливер улыбается, глядя на нее.

– Все равно не считается.

– Ладно, а какое у тебя любимое животное?

– Белоголовый орлан.

Хедли смеется.

– Неправда!

– Я – и неправда? – Он прижимает руку к сердцу. – Разве плохо любить животное, которое символизирует свободу?

– Ты просто меня разыгрываешь!

– Может быть, немножко, – хмыкает Оливер. – Но ведь получается?

– Что, довести меня до того, чтобы я тебя стукнула?

– Нет, – тихо отвечает он. – Отвлечь тебя.

– От чего?

– От твоей клаустрофобии.

Хедли благодарно улыбается ему и передразнивает:

– Немножко. Хотя сейчас еще ничего. Хуже будет, когда взлетим.

– Почему? Там же сплошное открытое пространство.

– А бежать некуда. Нет запасного выхода на такой случай.

– Понял, – театрально вздыхает Оливер. – Я это часто слышу от девчонок.

Хедли, коротко рассмеявшись, вновь закрывает глаза. Самолет набирает скорость, с ревом мчась по взлетной полосе. Пассажиров прижимает к спинкам сидений, нос самолета задирается, и наконец, в последний раз подпрыгнув, самолет взмывает ввысь, будто гигантская металлическая птица.

Хедли стискивает ручку кресла. Самолет рвется в ночное небо, и огни внизу постепенно удаляются, превращаясь в ровные ряды крошечных пикселей. От перепада давления закладывает уши. Хедли прижимается лбом к стеклу, страшась того мгновения, когда они поднимутся выше облаков и земля скроется из виду. Не останется ничего, кроме огромного неба вокруг.

Здания и прямоугольники парковок быстро уменьшаются, все сливается в причудливые узоры: оранжевые огоньки уличных фонарей, ленты автострад. Хедли выпрямляется, ощущая на лбу прохладу от плексигласа и стараясь не терять из виду город внизу. Страшен не полет – страшно оторваться от земли. Но пока они еще достаточно низко, чтобы видеть освещенные окна в домах. И Оливер сидит рядом. С ним никакие грозы не страшны.

5

22.36 по североамериканскому восточному времени

03.36 по Гринвичу

Через пару минут Оливер решает, что с ней уже можно разговаривать. От его голоса над ухом внутри словно отпускает какую-то пружину. Хедли один за другим разгибает пальцы, стиснутые в кулак.

– Однажды, – говорит Оливер, – я летел в Калифорнию Четвертого июля.

Хедли чуть-чуть поворачивает голову.

– Была ясная ночь, и я видел, как внизу зажигаются крошечные фейерверки, в одном городе за другим.

Хедли снова прислоняется к иллюминатору и с бьющимся сердцем смотрит в темный провал. Огромное ничто. Хедли закрывает глаза и представляет себе фейерверки.

– Наверное, если не знать, что там такое, картинка жутковатая, а так – красивый салют, только маленький и без звука. Даже не верится, что это те же громадные вспышки, которые мы видим с земли. Наверное, все дело в том, откуда смотреть, – прибавляет Оливер, помолчав.

Хедли снова оборачивается и заглядывает ему в лицо.

– Это должно мне чем-то помочь? – спрашивает она без враждебности, просто пытаясь понять, в чем мораль истории.

– Да нет, – отвечает Оливер со смущенной улыбкой. – Просто я опять хотел тебя отвлечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.